

в учительской кажется ему такой же, какой была раньше. Действительно, жизнь арылахской школы такая же однообразная, как и монотонный звук настенных часов, висящих в учительской. В конце романа их звук вызывает у Аласова сильное раздражение, и он пытается остановить часы. Этим поступком Сергей Петрович как бы вступает в спор с руководством школы, желая изменить атмосферу, царящую в ней.

Таким образом, в социально-психологическом романе «Пока бьется сердце» художественная деталь не только служит средством раскрытия характера героя, но и становится основой конфликтной ситуации, а также способствует разворачиванию событийной линии повествования, тем самым выполняя конструктивную функцию в построении художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Чернец Л.В. Деталь // Введение в литературоведение. – М., 1999. – С. 62-75.

2. Добин Е.С. Искусство детали. Наблюдения и анализ. – Л., 1975. – 191 с.
3. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М., 1988. – 198 с.
4. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М., 1988. – 198 с.
5. Окорокова В.Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии. – Якутск, 2001. – Ч. I. – 59 с.
6. Данилов С.П. Пока бьется сердце (на якут. яз. Сүрэх тэбэрин тухары). – Якутск, 1967. – 610 с.
7. Данилов С.П. Пока бьется сердце (на якут. яз. Сүрэх тэбэрин тухары). – Якутск, 1967. – 610 с.
8. Данилов С.П. Пока бьется сердце (на якут. яз. Сүрэх тэбэрин тухары). – Якутск, 1967. – 610 с.
9. Данилов С.П. Пока бьется сердце (на якут. яз. Сүрэх тэбэрин тухары). – Якутск, 1967. – 610 с.
10. Данилов С.П. Пока бьется сердце (на якут. яз. Сүрэх тэбэрин тухары). – Якутск, 1967. – 610 с.
11. Данилов С.П. Пока бьется сердце (на якут. яз. Сүрэх тэбэрин тухары). – Якутск, 1967. – 610 с.
12. Данилов С.П. Пока бьется сердце (на якут. яз. Сүрэх тэбэрин тухары). – Якутск, 1967. – 610 с.
13. Данилов С.П. Пока бьется сердце (на якут. яз. Сүрэх тэбэрин тухары). – Якутск, 1967. – 610 с.
14. Данилов С.П. Пока бьется сердце (на якут. яз. Сүрэх тэбэрин тухары). – Якутск, 1967. – 610 с.

УДК 929 Гоголь

Науман И.В.

Телевидение г. Нефтекумск
Ставропольского края

Н.В. ГОГОЛЬ — ЭСТЕТИК И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК*

Аннотация. В статье рассматривается программное положение литературно-критического наследия Н.В. Гоголя о своеобразии развития русской поэзии.

В основу работы положена статья Н.В. Гоголя «В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность», где выдающийся русский писатель размышляет об источниках русской поэзии.

В статье рассматриваются взгляды Н.В. Гоголя на творчество русских поэтов XVIII-XIX столетий.

Ключевые слова: самокритика, покаяние, нравственно-религиозные, политические рекомендации.

I. Timofeeva

N. GOGOL – AESTHETICS AND LITERATURE CRITICS

Abstract. The article speaks about the program thesis of Gogol's literature-critical inheritance on the originality of development in Russian poetry.

The basis of work is the article of N. Gogol «What is, finally, the essence of Russian poetry and what is its feature», where the outstanding Russian writer reflects on Russian poetry sources.

This article discusses the Gogol's views on Russian poets of XVIII-XIX centuries.

Key words: self-criticism, repentance, moral-religious, political recommendations.

Гоголь как эстетик и литературный критик до сих пор не нашёл своего достойного признания. В контексте художественного творчества его критическое наследие изучено мало и неполно. Между тем, научно-литературные статьи и критический эпистолярный открывают многосторонность таланта Гоголя не только как замечательного писателя и драматурга, но и как вдумчивого эстетика и литературного критика, историка и публи-

* © Науман И.В.

циста, философа, искусствоведа и духовного наставника [1].

О малоизученности проблемы Гоголя как критика констатировал в 1902 году С.А. Венгеров: «Если Гоголь-историк ценится у нас, обыкновенно, незаслуженно мало, то Гоголь-критик просто мало кому известен» [2].

О необходимости более глубокого изучения эстетического наследия и критических работ Гоголя предупреждал и исследователь В. Каллаш. Восхищаясь мастерством Гоголя как литературного критика, он писал: «Как и Пушкин, Гоголь был не только художником, но и превосходным литературным критиком, находчивым и опасным для противников полемистом, глубоким и оригинальным теоретиком в области эстетических вопросов» [3].

Действительно, гоголевские характеристики Ломоносова, Державина, Крылова, Пушкина и других доказывают не только точность и верность эстетического вкуса Гоголя, но и широту его историко-литературного понимания искусства. Его отзывы о задачах российских журналов, о народности, значении Пушкина, причинах охлаждения к нему русских читателей конца 1830-х годов опередили свое время. Недаром Пушкин ждал от него полной истории русской критики и считал его как беллетриста и критика одной из наиболее крупных сил своего «Современника». Так, в дневниковой записи А.С. Пушкина от 7 апреля 1834 года можно прочесть: «Гоголь по моему совету начал Историю русской критики» [4].

Разработка Гоголя по истории русской критики, касающейся её современного состояния, вылились потом в его статью «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году».

Если критическую деятельность Гоголя 1830-х годов определяли литературно-исторические статьи, публикуемые в сборнике «Арабески» (1835) и журнале «Современник», то для 1840-х годов определяющим фактором стали «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

Появление этой книги связывают обычно с душевными переживаниями писателя после первого тома «Мёртвых душ». «Выбранные места...» разочаровали не только Белинского, но и ближайших друзей Гоголя: Аксаковых, Шевырева, Жуковского, вызвав, наоборот, саркастические усмешки со стороны Сенковского, Булгарина и Греча. То есть на «Переписку» Гоголя каждый смотрел «со своей колокольни». Не отсюда ли бесконеч-

ная полемика в определении причин и сущности предлагаемой эпистолярной? Между тем, к анализу «переписки» можно подойти не только с этих предвзятых позиций гоголевских друзей, но и с литературоведческой стороны, определяя способ воплощения авторских интерпретаций в форме самокритических суждений о своём творчестве. Тогда многое станет яснее и понятнее в логике мышления Гоголя как автора «Выбранных мест...».

В основе любой критики лежит тенденциозность, а в основе самокритики лежит покаяние. Если в связи с этим «Предисловие» (1846) рассматривать «с самокритичных позиций», то во многом объективными окажутся доводы Гоголя — автора этой книги. Приходится лишь удивляться и восхищаться смелостью самокритики писателя, заявившего о «бесполезности» всего доселе напечатанного. Да, «бесполезности» «Миргорода», «Арабесок», «Ревизора» и «Мёртвых душ»! Такова позиция, воля Гоголя, и увещевать его за это никто не имеет права, ибо покаяние перед Богом священно и не подлежит суду мирскому. Не подлежит осуждению речение автора признать недостойным высмеивать человеческие недостатки и предавать беспощадному суду слабости характера и противоречия человеческой воли. Самокритично оценивая идейное и нравственное содержание своих произведений, он склоняется к моральной дидактике, проповеди нравственного превосходства положительных типов героев, способных принести обществу больше пользы, чем отрицательные персонажи, и иметь благотворное влияние на окружающий мир.

Самокритическое отношение Гоголя к своему творчеству здраво рассудил Аполлон Григорьев, который в статье «Гоголь и его последняя книга» писал об авторе «Выбранных мест...»: «Гоголь сказал слово в объяснение собственных созданий, сказал его, беспощадно обнаруживши перед нами всю болезненность самого себя — всю нашу болезненность» [5]. Но, сомневаясь всё-таки в открытой и беспощадной самокритике писателя, Ап. Григорьев склонен считать чисто-сердечные признания Гоголя ошибочными. «Человек, который так страдальчески, так задушевно смотрит на свое дело, стоит некоторого уважения, — осторожничает Ап. Григорьев, — даже и за свои заблуждения». Можно ли считать заблуждением стремление патриота подсказать соотечественникам путь спасения, «...в эту тяжелую годину всемир-

ного землетрясения, когда всё помутилось от страха за будущее?»

Гоголь выступил с нравственными, религиозными и политическими рекомендациями, как Данте в Средневековье, как Толстой и Достоевский в XIX столетии, как Солженицын в XX веке, как Христос, проповедующий милосердие, любовь и надежду на спасение человечества. Предложения Гоголя по реформированию государственной системы актуальны и до сих пор. Они выстраданы с позиций христианской веры и истории православия в России. В желании помочь родине и народу он поднимается над сословными предрассудками, констатируя: «Дворяне у нас между собой как кошки с собаками; мещане между собой, как кошки с собаками; крестьяне... между собой, как кошки с собаками... Опротивели до того друг другу, что не уважают никто никого, даже не выключая и тех, которые толкуют об уважении ко всем». Он признает, что вообще-то все «должности» в государстве – от царя до крестьянина – разумны. Нужно лишь освободить их от коррупции, взяточничества, скверны, злоупотребления и лжи – и тогда жизнь преобразится. Всякое сословие, званье, по логике писателя, «должны войти в их законные границы», и тогда Россия обновится изнутри, не меняя своей социальной системы. Предъявив самому себе высокие нравственные и духовные требования обновления человеческой личности, Гоголь столь же принципиален к соблюдению норм поведения высокопоставленных лиц в церкви и государстве. «Оставим личность императора Николая и разберем, — философствует писатель, — что такое монарх вообще, как Божий помазанник, обязанный стремиться вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог». И, обращаясь к библейской интонации и библейскому языку, Гоголь берет на себя право поучать царей и их приближенных, как им следует руководить народом и государством. Писатель не отрицает и роли церкви в деятельности государства, замечая, что «по мне безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу церковь, не спросив у неё на то благословения».

Моральный кодекс благоустроителей пореформенной России в проповедях Гоголя насыщен обращениями к самовоспитанию, ибо оно есть «внутреннее построение человека», а назначение писателей – быть «строителями нашими». В программе перевоспитания современников, переустройстве человеческой

психики Гоголь идеализирует методiku педагогического и психологического воздействия положительного примера на человеческую сущность. «Как только будут честными советники, — идеализирует писатель, — тотчас будут честны капитан-исправник, заседатели, словом, всё станет честным». Благороден и актуален гуманный призыв Гоголя к нравственному совершенствованию каждого как необходимому условию исправления всех. Но исполнение этой христианской мечты и по сей день во многом остается всего лишь теоретической идеей. В контексте поражения романтических мечтаний о построении нового общества роль автора «Выбранных мест...» выглядит прямо-таки пронизательной и прозорливой. Он предвидел, например, что можно «приставить» нового чиновника для того, чтобы ограничить прежнего в его воровстве». Но это значит, «сделать двух воров вместо одного». «Да и вообще, предугадывал писатель, система ограничения — самая мелочная система. ...На следующий год окажется надобность ограничить и того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничениям не будет конца». Эту мысль потом поддержит и Белинский в письме, адресованном Гоголю, признавая тоже, что в России «нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей».

Обращение Гоголя к социальным проблемам обострило замечательное дарование его как литературного критика. Об этом писал, например, В. Каллаш: «Открещиваясь от своего прежнего творчества, насилуя себя во имя мистико-моралистических задач, он до конца отстаивал значение театра и литературы».

Вершиной гоголевской эстетики можно считать его новаторские суждения о Пушкине. В статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность» (1846), он отмечает, что Пушкин «...самую прозу упростил... до того, что даже не нашел никакого достоинства в первых повестях его». Но именно поэтому в «Капитанской дочке», по мнению Гоголя, «в первый раз выступили истинно русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственной пушкой, бестолковщина времени и простое величие простых людей...».

Простота — залог таланта. Эту истину Гоголь — критик утверждает в суждениях о поэзии Лермонтова, предсказывая: «Тут видно больше углубления в действительность

жизни; готовился будущий великий живописец русского быта...».

Развивая тезис о поэзии обыкновенного, он придерживается правила: «Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту».

Можно отметить эстетическую эволюцию взглядов Гоголя на развитие пушкинской поэзии. Если в «Арабесках» («Несколько слов о Пушкине», 1832) он говорил о достоинстве вольнолюбивой поэзии поэта, откликающейся на многообразие проявления действительности от «вольной поэтической жизни горцев» до «великолепных крымских ночей и садов», то теперь Пушкин предстаёт в его критике как воплощение поэтического спокойствия. «Какие вещества перегорели в груди поэта затем, чтобы издать это благоуханье, того никто не может услышать», — размышляет Гоголь. Он считает, что поэта нельзя упрекать за перемену мирских и творческих настроений. «Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт», — таков вывод Гоголя как эстетика и литературного критика. То есть, с исторической точки зрения, пушкинская поэзия вылилась в такую форму, в какой она единственно могла быть. Здесь можно отметить идентичность взглядов Гоголя и Белинского, ибо последний тоже считал, что «в Пушкине поэзия впервые явилась на Руси как истинное искусство».

Эстетические и литературно-критические суждения «позднего» Гоголя недостаточно изучены и по достоинству ещё не оценены. Не оценена и самокритика писателя как движущая сила его духовного и творческого развития. Особенно примечательным, в этом отношении будут такие его работы, как «Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ» (1843-1846), «В чём, наконец, сущность русской поэзии...» (1846), «Авторская исповедь» (1847), в которых содержится много критических выводов о психологии творчества и своеобразии русской литературы в процессе её исторического развития.

В «Четырёх письмах», например, он оспаривает правомерность узкобиографического, субъективного толкования лирических отступлений в «Мертвых душах», возмущаясь тем, что «...все места, где ни заикнулся я неопределённо о писателе, были отнесены на мой счет». Тем самым он утверждает нетождественность личности любого писателя и образа лирического героя или автора художественных произведений.

В «Четырёх письмах...» отразились

литературно-эстетические взгляды Гоголя, раскрывающие творческую историю создания «Мертвых душ». Большой интерес вызывает свидетельство о чтении «первых глав» поэмы Пушкиным; а также пушкинское определение «главного свойства» гоголевского таланта — умение «очертить «пошлость пошлого человека». «Письма» дают возможность глубже понять художественный строй «Мертвых душ», роль лирических отступлений в интерпретации Гоголя.

Придерживаясь курса христианского раскаяния и открытой самокритики, Гоголь признаёт возможность считать «Выбранные места из переписки с друзьями» «историей собственной души» и склоняется к признанию правоты некоторых критиков (Сенковский, Булгарин, Н. Полевой), писавших о грубости и неправдоподобии гоголевских персонажей. Самокритично принимает он совет «поучиться прежде грамоте, а потом уже писать». В связи с этим Белинский в статье о «Выбранных местах...» негативно отозвался о «Четырёх письмах...». Критик не согласился с уступками Гоголя Булгарину, Сенковскому и другим. Он выступил против односторонней автохарактеристики «Мертвых душ» и поправил пушкинское определение «дара» Гоголя. По мнению Белинского, «Гоголь сам соглашается, что особенность его таланта состоит в умении «очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем». Особенность таланта Гоголя, доказывает Белинский (в ответ «Москвитянину», 1847), «состоит не в исключительном только даре живописать пошлость жизни, а проникать в полноту и реальность явлений жизни. Ему даны не пошлый человек, а человек вообще, как он есть, не украшенный и не идеализированный».

О большом и оригинальном вкладе Гоголя в эстетику и литературную критику и мировую теорию литературы говорят и такие самокритические произведения, как «Авторская исповедь», «Театральный разъезд» (после представления новой комедии), «Предупреждение для тех, кто пожелал бы сыграть как следует «Ревизора», «Отрывок из письма, писанного автором...». В «Авторской исповеди», например, пронизательно сказано о роли для писателя жизненного материала («Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображенья...»); о роли художественных подробностей в стилевом оформлении произведений, природе комического элемента, зна-

чении духовного преобразования человеческого характера.

Эстетическое кредо Гоголя, нашедшее своё отражение в его художественных произведениях и литературно-публицистических статьях, явилось источником активных творческих исканий со стороны его последователей. В творчестве Тургенева и Гончарова, Герцена и Достоевского, Л. Толстого и Чехова гоголевский подход к отбору материала, созданию типичных характеров, сочетанию художественного образа и нравственной ориентации считается ведущим для утверждения идейного содержания их произведений. Особенность идейно-нравственного почерка Гоголя резко обозначил Чернышевский, заявив: «С ним нельзя было шутить идеями... Человеческий, так сильно любивший правду и ненавидевший беззаконие, как автор «Шинели» и «Ревизора», не способен был никогда, ни при каких теоретических убеждениях окаменеть сердцем для страдания своих ближних».

Гоголь — замечательный эстетик и меткий критик — ярко и точно писал о выразительности и свободе языка Ломоносова, о народности Крылова, о пушкинской плеяде. Пушкин — поэт, в гоголевском представлении, «точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечка, зажглись другие самоцветные поэты». Гоголь один из первых старался по достоинству оценить поэзию Языкова и Баратынского, принципиально раскрыть своеобразие русских комедиографов — Фонвизина, Капниста, Грибоедова. Сила критической палитры вызывает восхищение. Он мог одним словом, краткой фразой, афоризмом создать облик целого явления. Характеризуя тип, например, «тип огрубления», выразившийся в Скотинине («Недоросль»), Гоголь говорит о нем, что его «природа... обратилась в какую-то более спокойную, в своём роде художественную любовь к скотине, наместо человека; свинья сделалась для него то же, что для любителей искусств картинная галерея».

Умение одной «деталью» воссоздать колоритный облик эпохи («Петербургские записки 1836 года») или этапа литературного процесса («В чем же, наконец, существо русской поэзии...») способствует безошибочной характеристике творчества писателей и поэтов. Гоголь объясняет: «У каждого свой стих и свой особенный звон. Этот металлический, бронзовый стих Державина..., этот грустный, как смола и струя столетнего тока, стих Пушкина; этот сияющий праздничный стих Языкова, влетающий, как луч, в душу, весь сотканный из света; этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный, как мёд из горного ущелья; этот легкий, воздушный стих Жуковского, порхающий, как неясный звук Эоловой арфы; этот тяжёлый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, цемпящей русской грустью...».

Поистине Гоголь — талантливый эстетик и литературный критик. Он ведал силу гениального вдохновения. По его представлению, «гений — богач страшный, перед которым ничто весь мир и все сокровища». Не только художественное богатство, но и всё его научно-критическое наследие представляет собой великую страницу мировой культуры человечества. «Как ни велики твои ошибки, мученик скорбной мысли и благих стремлений, но ты, — писал Чернышевский, — был одним из благороднейших сынов России, и безмерны твои заслуги перед родиной».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гоголь Н.В. Собр. соч. В 9 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. В.А. Воропаева и И.А. Виноградова. — М., 1994.
2. Венгеров С.А. Собр. соч. — СПб., 1913. — Т. 2. — С. 55.
3. Каллаш В. Вступительная заметка // Сочинения Н.В. Гоголя. — СПб., 1915. — Т. 7. — С. 8.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — М.-Л., 1949. — Т. 8. — С. 43.
5. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. — СПб., 1847.